

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Шигурова Т.А., Мокшина Е.Н. Женский накосник мордвы-мокши: динамика формообразования // Человек и культура. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.2.73944 EDN: OXKKXB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73944

Женский накосник мордвы-мокши: динамика формообразования

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, г. Саранск, ул. Серова, 3

✉ shigurova_tatyana@mail.ru

Мокшина Елена Николаевна

ORCID: 0000-0002-7069-6563

доктор исторических наук

профессор; историко-социологический институт; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430005, Россия, респ. Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1, к. 629.

✉ enm2112@mail.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие, традиции и инновации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.2.73944

EDN:

OXKKXB

Дата направления статьи в редакцию:

02-04-2025

Аннотация: В статье представлены результаты исследования женского накосника пулокерь, его функции в культуре и символика. Обращение к анализу уникального аксессуара обусловлено вниманием к проблеме его модификации. Предмет исследования – динамика формообразования мокшанского накосника. Цель статьи –

показать истоки изменения в формообразовании накосника, начавшегося с X в. Установлено, что если до этого времени он изготавливался путем окручивания женской косы кожаной полосой, окрученной по спирали металлической проволокой, то с X в. женщина перешла к использованию цилиндра из коры дерева, в который вставлялась коса. С чем были связаны преобразования в ритуале причесывания и создания головного убора, если мордовская культура базировалась на ценностях языческой религии. Результаты изучения уникального этнического символа мордовского народа необходимы для решения научно-практических задач в этнографии, культурологии, в атрибуции произведений канонического искусства. В статье использованы общенаучные методы, сравнительно-исторический метод анализа артефактов археологических памятников мордовского народа, метод семантического анализа мордовской мифологии и произведений искусства. Изучение накосника благодаря системному и культурно-антропологическому подходам позволяет понять духовную культуру мордвы и проследить взаимосвязь с соседними народами. Впервые в творческой деятельности мокшанской женщины выявлена роль духовных ценностей, сформированных языческой культурой; центральными были солярные символы Ши, Чи – день, солнце, обожествляемые в женских образах – Шиава (м.), Чиава (э.). Главные понятия в жизни женщины замужество и материнство определялись соответствием с солярными религиозными образами. Во-вторых, бытование в женском костюме накосника определяется выполнением им практической функции, способствующей деятельности, связанной с приготовлением пищи, соответствием морально-нравственным канонам культуры. Кроме того, научная новизна исследования заключается в убедительном обосновании взаимосвязи произошедших изменений в политическом, экономическом, миграционном аспектах культуры в X веке, ставшем переломным периодом в истории мордовского народа, с начавшейся трансформацией формообразования накосника. Женщина поняла невозможность сохранения первоначального спиралевидного способа изготовления накосника. Замужняя женщина переходит на более практичный и быстрый способ причесывания, используя предварительно изготовленный для косы футляр из луба, коры дерева.

Ключевые слова:

мордовский народ, мордва-мокша, традиционный костюм, ювелирное искусство, накосник, спиралевидный способ формообразования, языческая религия, замужество, практическая функция, изменение способа формообразования

Введение

Традиционный мордовский костюм, будучи важнейшим элементом материальной, духовной и художественной культуры, с древних времен характеризуется разнообразием деталей и средств выразительности, высоким уровнем мастерства его создателя. Многообразие создаваемых и носимых мордовской женщиной спиралевидных украшений в VIII–X вв., повторяемость в средневековом ювелирном искусстве спиральных изделий, ставших этническим символом мордовской женщины и развивающейся мордовской культуры, свидетельствует о существовании закономерности, требующей научного анализа. Первоначально возникшая спиральная височная подвеска с грузиком (к сожалению, не известно ее аутентичное название) выразительностью двухсторонней вертикали и постепенным увеличением длины стержня, количества спиралевидных витков декора акцентировала взгляд окружающих на лицо замужней женщины,

привлекая внимание к конкретной личности. В VIII–IX вв. в костюме замужней женщины мордвы-мокши появился наконник *пулокерь*. С конца X в. изготовление наконника в спиралевидной форме из полосы кожи и металлической проволоки вытесняется созданием твердого футляра из коры дерева.

Целью статьи является выявление причины изменений в технологии изготовления *пулокеря*, начавшихся с конца X – начала XI в.

Актуальность работы обусловлена вниманием исследователей к истокам модификации наконника мордвы-мокши. В культурологии по-прежнему важным является определение того, чем вызваны те или иные изменения в устойчивой культуре. В истории традиционного мордовского костюма обнаруживаются определенные закономерности в процессе формирования женского головного убора, в изменениях прически женщины, в декорировании одежды. Динамика формообразования наконника демонстрирует сочетание традиции и новаторства в средневековой мордовской культуре.

Использование общенаучных методов, сравнительно-исторического метода изучения материалов археологического наследия, семантического анализа мордовской мифологии, традиционных обрядов, произведений декоративно-прикладного искусства в области женского костюма определяется темой научного исследования. Системный и культурно-антропологический подходы позволяют выявить ценностные доминанты в творческой деятельности средневековой женщины.

Оригинальные произведения ювелирного искусства мордовского народа сегодня могут быть востребованы в качестве ресурса развития современного ювелирного и декоративно-прикладного искусства России. Кроме того, знание о средневековой культуре мордовского народа способствует решению научно-практических задач в культурологии, музееведении, этнографии и определении предмета охраны культурного наследия.

Обзор литературы

С VIII в. в костюме мокшанской женщины появился наконник *пулокерь*, на тысячелетие сохранивший свою уникальность и этнические особенности. «Головной убор женщины и особенности ее прически осмысливались в период средневековья в качестве важной семиотической системы, выразившей в символической художественной форме важнейшие духовные ценности культуры» (см.: [\[24, с. 81\]](#)). Изготавливался наконник из доступных материалов – кожи и металла в соответствии с «известными женщине техническими возможностями обработки сырья и способами производства» (см.: [\[22, с. 6\]](#)).

Археологические памятники VIII–X вв., расположенные на территории Верхнего и Среднего Примокшанья и Среднего Почежья, населенные в это время мокшанским субэтносом, сохранили обилие спиральных украшений женского костюма. Традиция спиралевидного способа формообразования «зафиксирована в различных видах ювелирных украшений мордовского народа VIII–XI вв. н.э., таких как височная привеска, пронизи, налобный венчик, гривна, ожерелье, браслеты, кольца, украшения обуви. Кроме того, она представлена в каноне формообразования элементов традиционного костюма, зафиксированном в разнообразии поясной одежды и многократности опоясывания традиционного мордовского костюма, в обилии нитей нагрудных ожерелий, правилах защиты (окручивания) ног от неблагоприятных погодных условий, в орнаменте металлических украшений и вышивки» [\[23, с.168\]](#). Спиральный

способ формообразования использовался для создания традиционного костюма и наконсника в соответствии с приемами женского рукоделия (плетения, прядения, кручения, мотания), что могло быть отражено в названии *пулокеря*, соотносимом с результатом вышеназванной деятельности, образующей понятия *клубок – кире* (эрзя), *кърня* (мокша); (в дальнейшем – э. – эрзя, м. – мокша).

Орнамент «круг и спирали – символ солнца» выделялся исследователями на типичных ажурных пряжках мордвы в VIII – XI вв. (см.: [\[17, с. 103\]](#). В известном пиктографическом письме родственников мордовскому солдату, опубликованному в 1888 г. понятие *день* символически изображено как *круг*, т. к. понималось как время движения солнца, круговращения солнца: «чи (э.), ши (м.) – день, солнце (см.: [\[11, с. 216\]](#). Рябинин Е.А. выделяет характерную особенность «финно-угорского женского убора на северо-западе Новгородской земли... широкое использование мелких металлических элементов – спиралек, колечек, трубчатых пронизок и нашивных бляшек» [\[15, с. 55\]](#).

Исследователи прослеживают «архетипичность солярной символики на всём евразийском цивилизационном пространстве», что было заложено в фундамент религиозных представлений многих народов Евразии [\[13, с.123\]](#). Спираль – достаточно популярный символ, используемый с эпохи палеолита народами мира, определяемый понятиями *восхождение, развитие, созидание, плодородие, ритм жизни, лабиринт* и многими другими. Так, по мнению Н.Е. Урушадзе, форма спирали «является одной из производных от знака солнца, огня, с унаследованным принципом движения» [\[18, с. 65\]](#). Т.В. Цивьян исследовала идею солярного круга в балканской модели мира, отмечая семантику цикличности, бесконечности извилистого и зигзагообразного пути, вечного возвращения «в балканском круге находит выражение идея лабиринта и движения в лабиринте. Собственно говоря, балканский круг – это разворачивающийся клубок, нить Ариадны, обматывающая закоулки лабиринта...» [\[19, с. 73\]](#).

Многозначные смыслы символа спирали учитывают сочетание формы круга и «импульс движения». В культурах Западной Сибири форма спирали присутствовала в оформлении браслетов, перстней, подвесок начиная с эпохи развитой бронзы. У многих народов России спираль была важным формообразующим элементом орнамента, используемом в декорировании традиционной одежды. По мнению Н.Н. Александрова, «Россия является родиной «ментальных архетипов спиральности. Здесь они и появились, здесь и осмыслены: Кондратьевым, Сорокиным, Гумилевым, Субетто» [\[1, с. 9\]](#).

Результаты исследования

Творческая деятельность человека в VIII–X вв. совершалась в полном соответствии с духовными религиозными ценностями культуры. Цельность средневековой культуры мордовских племен базировалась на языческой вере – форме духовной культуры, естественно сформированной в результате предшествующих этнических контактов с различными народами (индоевропейскими, тюркскими, финно-угорскими) и их идеологиями, основанными на осознании человеком связи с природой, зависимости от нее. С VIII в. археологические памятники подтверждают завершение «унификации погребального обряда, ... что говорит об оформлении языческой религии как целостной единой системы» [\[6, с. 37\]](#).

Центральное место в духовной культуре, в религии мордовского народа занимал образ солнца. Мордва обожествляла солнце Ши (м.), Чи (э.), первоначально – в женском образе Шиава (м.), Чиава (э.). В мокшанском языке солнце – Нишке, Ши, Шкай (м.)

имеет близость с хантыйским словом «*sanki – бог, всевышний, господь, свет, светлый, светло*» [20, с. 125]. На празднике, посвященном уборке урожая, к божеству солнца обращались: «*Восходящий, заходящий и вращающийся Шибавас...*» [9, с. 292]. По материалам Девяткиной, жилищем бога является Солнце, у него круглая кровать [4, с. 288].

Символика круга и спирали, регулярно повторяемая в мордовских украшениях, не могла быть случайной, она определялась важным значением для древнего создателя и носителя украшений ценностных установок культуры, связанных с языческой религией народа, обожествлявшего солнце. Главная роль женщины в культуре мордовского народа выражена в понятиях **материнство** – *тядякши (м.)*, *авакши (э.)* и **замужество** – *авакши (м.)*, которые в своем семантическом содержании сближались с солярной символикой цикличностью движения и деятельности. В суровых природных условиях Среднего Поволжья активная деятельность замужней женщины от рассвета до заката солнца по изготовлению пищи и одежды вплоть до конца XIX в. способствовали поддержанию, сохранению жизни, укреплению здоровья членов семьи и рода. «Женщинам как бы от природы предназначены труды особого рода... женщина здешнего прихода должна и скотину всю в доме кормить, и печку топить, и за водой на реку ходить, и за малыми детьми смотреть; на ней также лежит обязанность и ткать и прясть и каждого в семействе обшить, обмыть...» [14, с. 225].

В содержании мордовского эпоса сохранилось большое количество имен не только богинь (Ведь-ава, Вирь-ава, Мода-ава, Ведь-ава, Вирь-ава, Мастор-ава, Норов-ава, Юрт-ава), но и имен простых девушек и женщин (Кастуша, Килява, Литова, Нарчатка, Саманька и др.). Свободолюбивые, гордые женские образы, представленные в фольклорных текстах, активно сопротивляются негативным перипетиям своей судьбы, смело вступают в борьбу по защите родины, дома. Взаимосвязь мифологических представлений народа с историческими событиями, образом жизни, с обычаями и обрядами, поступками людей, подтверждает интерес мордовской культуры к индивидуальному поведению женщины.

Благодаря спиральному формообразованию накосник обладал гибкостью, готовностью к изменениям в соответствии с внешними и внутренними факторами. Каждая женщина создавала накосник используя простые правила окручивания косы заранее изготовленной по тем же правилам полосой кожи. В X в. накосник *пулокерь*, возникший в VIII–IX вв. благодаря спиральному формообразованию, продолжал использоваться мокшанскими женщинами, но способ изготовления его стал изменяться: появилась трубка из коры дерева: «С X в. в состав головного убора входит *пулокерь* – накосник в виде длинной трубки, свернутой из луба и обмотанной бронзовой спиралью. Внутри помещалась коса, скрепленная с деревянной палочкой кожаным ремешком» [17, с. 103].

С учетом сознательного изменения женщиной материала, способов его обработки и создания новой формы, можно определить инновационный характер модификации накосника. Предполагаемая позитивная цель изменений – сокращение времени причесывания – была подхвачена многими последующими поколениями мокшанских женщин. Простота процесса осуществлялась с помощью стержня, позволявшего многократно и быстро использовать футляр из коры.

Трансформация технологии создания накосника, последующая с X в. – один из знаков произошедших изменений в духовной культуре, включающей деятельность человека: познание, оценивание, планирование, которая предшествует последующим процессам

создания материальной и художественной культуры. Постепенное исчезновение из практики создания наконсика спиралевидного формообразования завершается сохранением спиралевидного окручивания в качестве декора наконсика.

Анализ изменений формообразования *полукеря*, свидетельствует о наличии внешних и внутренних причин. X в. относится к сложному периоду, который многие ученые определяют как рубеж, поворотный пункт «в истории мордовского народа» [26, с. 55]. С этого времени территория проживания мордовского народа оказалась « ... в сфере политических и экономических интересов» Киевской Руси, а этноним «мордва» стал встречаться в древнерусских летописях [10, с. 28]. Тесные экономические, политические взаимоотношения мордовского народа со славянами Древней Руси подтверждают не только обилие археологических артефактов (шиферные пряслица из Овруча, славянские украшения) в мордовских памятниках, но и ставшая научной сенсацией – находка в мордовском могильнике X – начала XI в. подвеска со знаком Рюриковичей (см.: [26, с. 64]).

Близость языческих народов (славян и мордвы) по мнению И.В. Кондакова «обусловлена не одними природно-хозяйственными факторами, но и мировоззренческими, религиозными: у народов, совместно населявших Восточно-Европейскую равнину, – славян, тюрков и финно-угров – была, по своей сути, во многом общая архаичная мифология» [8, с. 15]. Сохранилась связь религиозной терминологии, обозначающей имена летописного пантеона князя Владимира, стремившегося объединить различные племена Древней Руси, с аналогичными названиями мордовских обрядов, либо мест, где они совершались. Так, славянское божество Велес / Волос созвучно названию мордовского обряда – Вель / Велень озкс (сельское моленье) см.: [9, с. 120]. Имя женского божества киевского пантеона Мокошь созвучно названию реки Мокша, к берегам которой выходили женщины-мордовки, совершавшие поклонение богине Ведь-аве. Русское название Перун «Бог неба», как и литовское Перкунас, мордовское Пургине-паз восходят к индоиранскому языку-основе [20, с. 157].

Исследователи, выделяя в языческой мифологии мордвы и славян несистематизированность, расплывчатость, неустойчивость, находят в мордовской мифологии «влияния других древних, ныне почти полностью исчезнувших традиций (например, славянского язычества) и мировых религий, особенно христианства» (см.: [8, с. 13; 9, с. 50]). Несомненно, что череда религиозных реформ князя Владимира – крестителя Руси в силу тесных социокультурных, политических, экономических взаимосвязей народов не могла не оказать влияние на духовную культуру мордовского народа. Совпадают период религиозных реформ Владимира с миграцией населения с реки Цны в Вадинско-Мокшанское междуречье: «на Цне исчезла половина памятников, а в Вадинско-Мокшанском междуречье наоборот резко возросло количество поселений и могильников» [2, с. 18]. Здесь, в Кельгининском могильнике X в. были обнаружены трапезиевидные подвески (символ власти), датированные первыми двумя десятилетиями XI в. Языческая религия мордовского народа сохранилась, но в ней на смену женских образов Шиава (м.), Чиава (э.), являющихся символом обожествления солнца Ши (м.), Чи (э.) пришли мужские образы Ши, Шкай, Нишке (м.).

В условиях переосмысления религиозных языческих образов, сложных попыток государственного строительства, торжества патриархальной идеи в культуре и нестабильности жизни началась миграция населения. Как реакция на изменение природной среды деятельность человека по упорядочению и обустройству новой

территории определила обновление образа человека, создаваемого традиционным костюмом. Система костюма, существующая для удовлетворения необходимых потребностей носителя, оказалась открытой для преобразований, ставших полезными для приспособления женщины к изменившимся обстоятельствам жизни, использованию доступных ресурсов природы.

Накосник стал тем аксессуаром, в котором совместились старые ценности и новые требования жизни. Отказавшись от прежнего канона спиралевидного формообразования, женщина выбирает более практичный вариант изделия, создав многократно используемую конструкцию накосника привычной вертикальной формы с лаконичным декором. Она использует прочные и доступные материалы лесной зоны, в некоторых археологических памятниках сохранялись следы использования ткани, но окончательный выбор был сделан в пользу коры дерева, древесины. Появился стержень для возможности периодически снимать и вновь надевать футляр на косу. С XI в. на территории Примокшанья, на р. Теша широко распространяется накосник в форме трубки или футляра с косой внутри, а с XII в. «появилась новая форма накосника — *пулокерь* (по-мордовски — женская коса, помещенная в луб) со стержнем из дерева или железа и без стержня (Сядемский, Татлака II, Красное I, Старобадиковский I могильники)» [31]. В Паньжинском могильнике XIII–XIV вв. П.Д. Степановым был обнаружен комплект *пулокеря*: «лубочная трубочка и палочка для наворачивания косы, а также кисть, сделанная из мочала» [16, с. 198].

Религиозные, мифологические представления средневековой женщины реализовывались в практике жизни, в обычаях и обрядах, в морально-нравственных качествах и правилах поведения. Понятия **жизнь** (*эряма м., эрямо э.*) и **здоровье** (*шумбраши –м., шумбрачи –э.*) – важные, фундаментальные ценности культуры. В соответствии с большой ответственностью, возложенной на замужнюю женщину по соблюдению гигиены приготовления пищи, аккуратности внешнего образа хозяйки, экономии времени и т. п., традицией культуры закреплены представления народа о правильной прическе замужней женщины, представленной практикой ношения накосника, плотно закрывавшего волосы, не мешавшие результативной деятельности и обеспечению здоровья семьи. Особенностью накосника мокшанской женщины, скрывавшего волосы, было то, что он оставался на виду, намеренно привлекал к себе внимание тщательно выполненным декором, блеском металла, формой изделия, с явно выраженным стремлением преувеличить размеры изделия и внутреннего содержания.

Модификация женского накосника мордвы-мокши отвечала необходимости дальнейшего прогресса культуры, поскольку соответствовала морально-нравственным канонам культуры. *Пулокерь* стал образцом «памяти культуры» в котором сохранены достижения материальной и духовной деятельности прошедших столетий и непрерывный созидательный процесс преобразования, происходивший на новых территориях проживания населения, воплотивший локальные варианты предмета, этнического колорита и разнообразия интерпретации содержания, функций, семантики. Дополнительным подтверждением роли накосника является бытование в традиционном женском костюме с X в. вплоть до XIX в. символа аккуратности, непосредственно связанного с созданием прически, уходом за волосами, бронзового украшения в виде гребня. Например, в Крюково-Кужновском могильнике (VIII–XI вв.) был обнаружен костяной гребень (см. Фото 1.). Украшение дополняло, иногда – поясной, иногда – нагрудный декор женского традиционного костюма.

Фото 1. Гребень костяной, украшенный конскими головками. Из книги П.П. Иванова Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.

Зная сложную историю одежды и головных уборов, обилие точек зрения по вопросу о причинах происхождения одежды, следует выделить *практическую* функцию, обозначенную Л. Штернбергом в качестве основной: «Коренной мотив забот об убранстве головы – *утилитарный*. Прежде всего, волосы, падая в беспорядке на лицо, уши, шею, плечи, не только причиняют общее неприятное ощущение, но мешают видеть, слышать, есть и косвенно — правильности труда, ...представляя иногда и серьезную опасность» [\[25\]](#). Материалы устного народного творчества мордовского народа подтверждают важность обязанностей женщины в семье, качающихся приготовления пищи:

– «Дочь Инешкая, Везорго,

Выходи за меня замуж, ...

– Кто мне будет шить одежду,

Вкусную готовить пищу» [\[21, с. 145\]](#).

В день свадьбы молодую в доме жениха встречали следующим образом: «... Под ноги сковороду большую

С углями живыми положили,

Чтоб была она стряпухой доброй,

Мастерицей у печи горячей...» [\[21, с. 518\]](#).

Кудазорава, главная хозяйка дома следила за порядком, домашними делами, распределяла женские обязанности, наказывала за непослушание. Каноны традиции, выраженные в головном уборе и прическе замужней женщины, были направлены на достижение цели: спрятать волосы для соблюдения гигиены во время приготовления пищи в семье, а одновременно, чтобы не мешали во время работы.

Содержание и смыслы культуры каждое поколение общества в прошлом усваивало через тексты, озвучиваемые устным народным творчеством, напоминаемые в обычаях и обрядах, в правилах поведения, закрепляемых практикой трудовой деятельности по обеспечению материальными ресурсами жизни. По мнению Л. Штернберга, головные уборы многих народов в прошлом стали «...предметом особого искусства...» и этикет вполне мог быть причиной, сделавшей «...из убора объект самого тщательного

культивирования, серьезной жизненной заботы» [\[25\]](#).

Требование скрывать волосы замужней женщины в мордовской культуре выражалось в причитаниях родственницы невесты во время свадьбы:

«...Теперь не станешь, золовушка,

Носить их при свете солнечном,

Станешь держать их спрятанными,

Станешь в темноте носить их» [\[5, с. 205\]](#).

Традиционная мордовская свадьба сохранила до середины XX в. ряд обычаев и действий, связанных с волосами участников свадьбы (невесты, жениха, гостей). Особая эмоционально-смысловая напряженность была характерна для обрядов, направленных на изменение прически невесты заплетение косы – "*пряпулонь понамась*" (м), "*пулонь кодамо*", "*косань чавома*" (э), девичья баня – "*тейтерькс чинь баня*". Во время совершения обряда в присутствии подруг, родственников, односельчан озвучивалась вербальная информация, напоминающая о морально-нравственных ценностях культуры, о нормах и правилах поведения замужней женщины, о законах счастливой семейной жизни.

Понятие **кой (обычай)** восходит к финно-угорскому языку-основе [\[20, с. 76\]](#). Нормы, правила поведения строго соблюдались в традиционной культуре, а женщина являлась хранительницей традиции, порядка в доме. После свадьбы было принято с нежностью обучать молодую всем премудростям домашних дел: «от чего загорелись дрова, каким способом они подожжены; ... где должен в печи занимать место большой чугунок с водою, где – средний, где – малый, где ставятся щи, где – каша, где – картофель; ...– как пекутся блины, как мыть посуду, мести пол... По истечении 2-х недель переходить к практике» (см. [\[12, л. 19\]](#)).

Женщины мордвы-мокши продолжали носить накосник вплоть до XVIIIв., что говорит о прочности культуры, существовании единства знаковой системы костюма, выполнении костюмом и его элементами важных семиотических функций. Принципиальное различие в преобразовании формы накосника касается переноса акцента с утилитарно-функционального назначения спирального окручивания, служившего изначально способом формообразования на эстетический подход в создании элемента женского головного убора. Новизна проявилась не только в технологии создания, но и в художественном осмыслении формы произведения декоративно-прикладного искусства, в которой соединились полезное и прекрасное, традиция и новация, функции и смысл.

Привлечение внимания к накоснику свидетельствует о роли канонического искусства напоминать окружающим важность статуса замужней женщины, выраженного в культуре понятиями *замужество* и *материнство* – *тядякши*, *авакши (м.)*, *авакчи (э.)*, что гарантировало незыблемость взаимоотношений внутри семьи, рода, общества.

Заключение

Семантика спирали кодировала важные понятия культуры, включенные в религиозную картину мира средневековой мордвы, соотносимые с непрерывностью активной деятельности женщины по упорядочиванию окружающего пространства, созданию базисных оснований для выживания рода, семьи. Обожествление народом солнца Ши

(м.), Чи (э.) сохранилось в названиях языческих божеств, первоначально представленных в женских образах Шиава (м.), Чиава (э.). Семантика соляного символа пронизывала важнейшие понятия и ценностные женские ориентации (здоровье, замужество, материнство, сохранение традиции, исполнение обрядов), что соответствовало ценностям мордовского народа.

Среди обилия женских украшений своей оригинальностью формы, лаконичностью декора с VIII–IX в. выделяется *пулокерь*, ставший на тысячелетие символом мокшанской женщины. Длительность бытования уникального аксессуара объясняется выполнением им ряда функций, среди которых следует выделить практическую функцию, способствующую «правильности труда», соблюдению гигиены приготовления пищи, созданию аккуратного образа замужней женщины. В мордовской традиционной культуре замужество и материнство *тядякши*, *авакши (м.)*, *авакчи (э.)* являлись важнейшим статусом женщины. Накосник, будучи произведением канонического искусства, ориентировал окружающих выполнять хорошо известные всем правила и каноны, визуально напоминал о нормах поведения, о взаимоотношениях между людьми.

Отказ от спирального канона формообразования *пулокеря* и появление новой технологии его изготовления с X в. происходило в сложный поворотный период мордовской истории, включавший взаимодействия с Киевской Русью, переосмысления религиозных образов, попытки строительства собственной государственности, миграцию мордовского населения на территорию Примокшанья. Обстоятельства жизни, утверждавшие патриархальность культуры, способствовали изменению потребностей женщины, поиску ею нового смысла результатов творческой деятельности, завершившихся трансформацией гибкой спиралевидной формы женского накосника в твердый цилиндрический или конусообразный футляр из коры дерева.

Библиография

1. Александров Н.Н. Циклическая динамика. Спиральные формы в искусстве, дизайне и архитектуре. М.: Изд-во Академии Тринитаризма, 2012. 400 с.
2. Белорыбкин Г.Н. Динамика хозяйственного и этнокультурного развития Западного Поволжья в средние века (по археологическим данным). Автореферат дисс. на соиск. уч. зв. доктора ист. н. Ижевск, 2003. 51 с. EDN: QDXIGN.
3. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. URL: https://studylib.ru/doc/3949039/belorybkin-g.n.--zapadnoe-povolzh._e-v-srednie.
4. Девяткина Т.П. Мифология мордвы. Саранск: Красный Октябрь, 1998. 336 с.
5. Евсеев М.Е. Мордовская свадьба. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. 280 с.
6. Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 37-47. EDN: RUJPFQ.
7. Иванов И.П. Материальная культура средне-цинской мордвы VIII – XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927-1928 гг). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 175 с.
8. Кондаков И.В. Культурология: история культуры России. М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2002. 368 с.
9. Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы. Этнограф. справ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.
10. Мокшина Е.Н. Мордовский народ в русских летописях и других письменных источниках средневековья // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 27-30.
11. Мордва: историко-этнографические очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 336 с.
12. Научный архив Русского географического общества. Рукописи трудов о народностях

- Европейской России (этнография, фольклор). Ф. Р-LIII. Оп. 1. Д. 31. 55 л.
13. Паршиков С.А., Гиенко Е.Г. Солярная символика в культурах Евразии. Архетип и хронология становления // Cultural Heritage and Modern Technologies. 2024. № 2. С. 69-131. DOI: 10.24412/2837-0759-2024-269131 EDN: NDIYMH.
14. Примеров А. Село Каменный-Брод Краснослободского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 7. С. 223-228.
15. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: С.-Петербургского ун-та, 1997. 260 с. EDN: TNKSPJ.
16. Степанов П.Д. Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Мордов. кн. изд-во. Саранск, 1959. С. 195-206.
17. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР / Под общей редакцией Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1987. 512 с.
18. Урушадзе Н.Е. К семантике прикладного искусства Древнего Кавказа и Закавказья // СА. 1973. № 1. С. 54-70.
19. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с. EDN: UNHIXN.
20. Цыганкин Д.В., Мосин М.В. Этимология валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 228 с.
21. Шаронов А.М. Масторава. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 460 с.
22. Шигурова Т.А., Логинова М.В. Исследование женского накосника мордвы-мокши: кожа и металл как компоненты структуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 3. С. 1-8.
23. Шигурова Т.А. Исследование мордовского костюма: спираль как средство формообразования накосника «пулокерь» // Человек и культура. 2024. № 4. С. 155-170. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.4.71322 EDN: VHDAH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71322
24. Шигурова Т.А. Накосник пулокерь как компонент мокшанского национального костюма: к проблеме генезиса и этнокультурных смыслов // Человек и культура. 2023. № 3. С. 69-88. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40553 EDN: AMOLWR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40553
25. Штернберг Л. Убор головной // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/103/103841.htm>.
26. Юрченков В.А. Мордовская история: курс лекций. Саранск, 2014. 276 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в представленной для публикации в журнале «Человек и культура» статье под заголовком «Традиции и новации в бытовании накосника мокшанской женщины» определить крайне затруднительно по нескольким причинам. Во-первых, уровень владения автором русским языком оставляет желать лучшего, ввиду чего отдельные предложения трудно понять (например: «Привлекательность и длительность бытования спиралевидных украшений в средневековом костюме мордовской женщины не случайны и в настоящее время необходимо дополнить знания о достижениях ее творческой деятельности» и др.). Соответственно, целые абзацы, содержащие непонятные предложения, лишаются всего смысла и не могут быть рассмотрены в качестве аргумента в изложении результатов научного исследования.

Во-вторых, соотношение повседневного и специального тезауруса зачастую в тексте приводит к образованию теоретических оксюморонов, парадоксальным образом исключая из высказывания здравый смысл (например, «Сохранение до конца XI в. (а в качестве пережитка – до XII в.) данного произведения ювелирного искусства, а также часто встречаемый художественный образ женщины в мифологии, устном народном творчестве, декоративно-прикладном искусстве транслирует вектор внимания народной культуры» — о чем хотел сказать автор неясно. Толи о том, что предмет авторского внимания является пережитком, толи о том, что этот пережиток «транслирует вектор внимания народной культуры», толи о том, что некоторый «вектор внимания народной культуры» транслирует мифологию и пережитки???)

В-третьих, автор не уточняет в вводной части статьи соотношение объекта и предмета исследования, а по формальным признакам из заголовка следует, что бытование накосника мокшанской женщины следует рассматривать в качестве объекта (т. е. некоторой части объективной реальности, в которой рассматривается предмет), поскольку именно в нем автор усматривает некоторый множественный предмет исследования — «традиции и новации». Многозначность термина «бытование» требует разъяснения объекта исследования во введении. А множественность заявленных предметов (рассеянность внимания автора), исключает в принципе вероятность получения однозначного научного результата. Возможно, автор имел ввиду некоторое соотношение традиций и новаций в бытовании (в изготовлении и применении) мокшанского накосника, но поскольку пояснений автора не последовало, существует большая вероятность, что не только рецензент, но и любой читатель вправе по своему усмотрению трактовать неоднозначные термины. Такая перспектива исключает возможность однозначной верификации результатов исследования как научных.

В-четвертых, ложность авторского суждения («Отсутствие научных работ по теме подчеркивает актуальность предпринимаемого исследования» — теоретический оксюморон состоит в том, отсутствие научных работ по теме может одновременно свидетельствовать о ненаучности сформулированной темы и большой вероятности сохранения для этой темы статуса «отсутствие научных работ») полностью исключает вероятность какой-либо актуальности результатов предполагаемого исследования, поскольку вообще отрицает наличие к теме научного интереса.

В-пятых, цель исследования («определить причину стабильности спиралевидного формообразования в ювелирном творчестве мордовской женщины VIII–X вв.») сформулирована ненаучно: причины стабильности спиралевидного формообразования в ювелирном творчестве мордовской женщины VIII–X вв., как следует из авторского же обзора литературы, науке известны и не требуют определения. Задача «определить причину тысячелетнего использования накосника в качестве аксессуара женского костюма» противоречит сформулированной цели: период VIII–X вв. не вмещает в себя тысячелетнего использования накосника. Задача «чем объясняются изменения в технологии создания пулокера, начавшиеся в X веке» — тоже избыточна, поскольку, как следует из авторского же обзора литературы, она уже была решена коллегами и описана в опубликованной литературе.

Перечисленные обстоятельства исключают вероятность получения автором каких-либо ценных для науки результатов, даже если предположить, что изложенная в вводной части статьи программа исследования действительно была выполнена (т. е. что научное исследование, о результатах которого автор пытается осведомить научное сообщество, действительно состоялось).

Таким образом, предмет исследования автором не был рассмотрен на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методология исследования, несмотря на наличие в тексте краткого блока с грамотно

сформулированными наименованиями научных методов и подходов, не сложилась. Как в постановке проблемы (в качестве цели автор намеряет определить уже известные науке сведения) так и в изложении остального материала отсутствует функциональная логика, обязательная для жанра научной статьи. Совершенно неясно, какие именно задачи решает автор в основной части статьи, какими научными методами он это делает и к каким результатам приходит.

Актуальность выбранной темы, как указано выше, автор не смог обосновать.

Научная новизна представленного материала остается под сомнением.

Стиль текста в силу перечисленных выше обстоятельств сложно считать научным. Кроме прочего в тексте встречаются явные описки, свидетельствующие о невнимательности автора или слабом уровне грамотности (например: «незыблемость», «социокультурных», «замужней женщины» и др.).

Структура статьи слабо соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография в целом раскрывает предметную область изучения мордовского костюма.

Апелляцию к оппонентам сложно считать корректной ввиду некорректности постановки цели исследования.

В силу перечисленных выше причин теоретический интерес читательской аудитории журнала «Человек и культура» к представленному на рецензирование материалу гарантировать невозможно. Рецензент рекомендует автору продолжить исследование научной литературы по интересующей его теме и при доработке статьи попытаться сформулировать свой исследовательский интерес, его актуальность и предполагаемую научную новизну предполагаемых результатов предполагаемого исследования более доступным для теоретиков языком.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию динамики формообразования женского накосника («пулокерь») мордвы-мокши, важного компонента традиционного национального костюма, на протяжении тысячелетия его существования. Автор подробно рассматривает изменения, происходившие в конструкции и декоративных особенностях накосника, подчеркивая значение технологических нововведений и культурных влияний, повлиявших на этот процесс.

Методологически работа основана на комплексном подходе, включая археологическое изучение найденных предметов, сравнительное исследование аналогичных образцов и интерпретацию символики и значения украшений в контексте национальной мифологии и ритуалов. Используются методы исторической реконструкции, культурологической аналитики и междисциплинарный подход, объединяющий знания археологов, этнографов и искусствоведов.

Исследование актуально, поскольку традиционно костюм выступает индикатором культурной идентичности и отражает эволюционные процессы, протекающие в обществе. Работа позволяет лучше понять исторические этапы развития народов, обосновать значимость конкретного предмета в рамках народной культуры и расширить представление о взаимовлияниях между различными регионами и народами.

Автором предложена детальная реконструкция эволюции формообразования накосника мордвы-мокши, раскрывающая ключевые аспекты трансформации, обусловленные изменениями социальной структуры, миграции населения и влиянием соседних культур.

Особое внимание уделено переходу от спиральной формы, связанной с древними культовыми традициями, к цилиндрическим и конусообразным конструкциям, вызванным экономическими условиями и изменением технологий.

Текст статьи изложен ясно и последовательно. Список использованной литературы обширен и охватывает широкий спектр наименований, от монографий и статей ведущих ученых до уникальных публикаций музейных коллекций и архивных документов, что подчеркивает глубину проработанности темы и высокий уровень подготовки автора.

Автор открыто демонстрирует полемику с рядом предыдущих исследований, предлагая собственные трактовки. Однако данная позиция требует дальнейшего обоснования, так как некоторые утверждения остаются недостаточно аргументированными.

В статье удалось гармонично объединить данные археологии, этнографии и культурологии, позволяя глубже проникнуть в суть изучаемого явления, рассмотреть все этапы развития накосника и тем самым раскрыть уникальные стороны традиционной культуры мордвы-мокши. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейших изысканий в области сохранения культурного наследия и разработки проектов восстановления национальных традиций.

Основной вывод о динамике формообразования накосника представляется достоверным и основанным на солидном фактичном и археологическом материале. Вместе с тем, требуются дополнительные усилия для интеграции полученных результатов в общую теорию развития народных костюмов и символов.

Работа привлечёт внимание специалистов по истории культуры, этнографов, искусствоведов и студентов соответствующих специальностей.

Учитывая значительный вклад этого исследования в развитие научного понимания традиционной культуры мордвы-мокши, рекомендуется публикация статьи «Женский накосник мордвы-мокши: динамика формообразования» в журнале «Человек и культура».